

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Васильева Ольга Владимировна

ЛИЧНЫЕ ПРЕДИКАТИВЫ В ПСКОВСКИХ ГОВОРАХ

(на фоне других неизменяемых предикативов).

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2003

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Научный руководитель -
доктор филологических наук, профессор
Валентин Иванович Трубинский

Официальные оппоненты:
доктор филологических наук, доцент
Нина Иосифовна Белунова

кандидат филологических наук, доцент
Татьяна Александровна **Пецкая**

Ведущая организация - Институт
лингвистических исследований Российской Академии Наук

Защита диссертации состоится «12» мая 2003 г.
в 16 часов на заседании диссертационного совета Д 212.232.18
по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата
филологических наук при Санкт-Петербургском государственном
университете по адресу:

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11,
филологический факультет СПбГУ.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета.

Автореферат разослан «___» _____ 2003 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук доцент

С.А. Аверина

Для современного русского языка характерно стремление к аналитизму, что на уровне синтаксиса проявляется в активизации грамматической **некоординированности** главных членов предложения и расширении круга несогласованных сказуемых, выраженных падежными и **предложно-падежными** словоформами. Общее движение в сторону невариационных, стабильных единиц в данном случае завершается формированием особого разряда слов - предикативов. Предикативы, возникающие на базе разных частей речи, характеризуются неизменяемостью (отсутствием системы флексий) и выступают в функции сказуемого как в двусоставном, так и в безличном предложении. Безличные предикативы («безлично-предикативные слова», «предикативные наречия»), издавна существующие в русском языке (и других славянских языках), неоднократно привлекали внимание исследователей и получили в научной литературе богатое освещение (О.К. Балиашвили, Л.С. Бархударов, А.И. Валькова, Н.Ф. Вердиева, Е.И. Воинова, И.Г. Голанов, А.В. Исаченко, Т.Г. Козырева, О.К. Кочинева, В.Н. Мигирин, О.В. Озаровский, В.М. Панфилов, Г.И. Тираспольский, А.Н. Тихонов, А.А. Шевцова и др.)

При этом личные предикативы - аналоги безличных в двусоставных предложениях - до сих пор не становились объектом специального исследования, несмотря на неопровержимость их существования в системе русского языка. С другой стороны, псковские говоры, как и **соположенные** с ними ленинградские и новгородские, имеют ряд синтаксических особенностей, которые выделяют их на фоне других говоров русского Севера, вошедшего в себя все территориальные синтаксические различия русского языка. Синтаксическое своеобразие говоров узкого Северо-Запада (псковских, ленинградских, новгородских), как определили И.Б. Кузьмина и Е.В. Немченко, состоит в отсутствии тяготения к безличности, которая характерна для говоров, расположенных восточнее.

Актуальность исследования определяется необходимостью как можно более внимательного изучения всех реальных проявлений общеязыковой тенденции к аналитизму, которая особенно ярко представлена в псковских и соседних с ними говорах. Обращение к диалекту как части национального языка

весьма конструктивно и в синхронии, и в диахронии, поскольку территориальные говоры, как и разговорная речь, являются двумя сферами исключительно устного бытования русской речи, а именно устная речь служит источником преобразований системы национального языка в целом.

Материалом исследования послужили данные картотеки Псковского областного словаря, хранящейся в Межкафедральном словарном кабинете имени проф. Б.А. Ларина. Псковский областной словарь - словарь полного типа, включающий не только диалектную, но и общерусскую лексику, бытующую на территории Псковской области. Картотека составлена и постоянно пополняется в ходе ежегодных диалектологических экспедиций студентов и сотрудников филологических факультетов СПбГУ и Псковского педагогического института им. С.М. Кирова. Являясь базой Псковского областного словаря с историческими данными, картотека, безусловно, ориентирована на лексическое своеобразие псковских говоров. Однако широта собранного материала (географическая, временная и, наконец, количественная) позволяет рассматривать его и в иных аспектах. Тем более, что перед собирателями всегда ставится задача фиксации слова в контексте, поэтому картотека представляет собой по большей части свод предложений (синтаксических конструкций), в которых употребляются слова, выведенные в качестве заголовков карточек. Все это позволяет использовать словарную картотеку в качестве материала синтаксического исследования.

Цель работы - описание и анализ бытующих в псковских говорах личных предикативов. Для того, чтобы выяснить, что представляют собой в псковских говорах предикативы, насколько класс их сформировался и как они организуют соответствующие синтаксические конструкции, необходимо решить целый ряд задач:

1. представить научное определение личных предикативов, указать их существенные признаки;
2. выявить круг личных предикативов, бытующих в псковских говорах;
3. провести семантическую классификацию этих единиц;
4. представить морфологическую характеристику личных предикативов псковских говоров;

5. указать причины возникновения в языке класса личных предикативов;
6. установить признаки разграничения личных предикативов на специализированные и неспециализированные;
7. определить место личных предикативов в грамматической системе псковских говоров.

Объект исследования - предикативы (слова, **предложно-падежные** сочетания, фразеологические единицы), извлеченные путем сплошной выборки из разных частей картотеки Псковского областного словаря. В диссертации описывается около 250 личных предикативов. Для проведения сопоставительных исследований из картотеки были также выбраны примеры с безличными предикативами (около 500 единиц) и с предикативами в конструкциях с инфинитивами (около 150 единиц).

Методы исследования. Основным методом исследования является метод лингвистического описания, который позволяет проанализировать семантические и грамматические особенности личных предикативов. В работе используются также сопоставительный и статистический методы.

Научная новизна диссертации состоит в том, что личные предикативы не были еще объектом специального диалектологического исследования, а также в том, что подобные предикативы, развившиеся в русских говорах узкого Северо-Запада, впервые соотнесены с продуктивными в говорах того же региона образованиями на *-но*, *-то*, *-н*, *-т*, *-ши*, выступающими также в роли сказуемого в двусоставных конструкциях.

Теоретическая значимость работы состоит в лингвистическом осмыслении очень важных языковых процессов, в результате которых система языка преобразуется, в ней появляются новые **лексико-грамматические разряды**, входящие в определенные смысловые и структурные взаимоотношения с другими разрядами и частями речи.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования материалов диссертации при чтении лекций по диалектологии, лексике, морфологии и синтаксису современного русского языка, в спецкурсах по актуальным явлениям русской разговорной речи, при дальнейшем составлении

Псковского областного словаря и - шире - **при** составлении словарей русского языка.

На защиту выносятся следующие положения.

1. В псковских говорах существует достаточно много единиц, имеющих форму слова или устойчивого словосочетания, которые характеризуются именным происхождением, неизменяемостью и выполняют функцию сказуемого в двусоставных предложениях.

2. Такие единицы, называемые в работе *личными предикативами*, могут обладать сказуемостной специализацией. Специализированные личные предикативы — особый лексико-грамматический разряд, занимающий в системе языка свою, особую нишу.

3. В псковских говорах специализированные личные предикативы коррелируют с формами на *-но*, *-то*, *-н*, *-т*, и на *-ши*, которые также неизменяемы, также выполняют функцию сказуемого в двусоставных предложениях, но имеют глагольное, а не именное происхождение.

Апробация исследования. Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях аспирантского семинара кафедры русского языка филологического факультета СПбГУ. Проблематика исследования излагалась в докладах, прочитанных в Псковском педагогическом институте, в докладах на Ларинских чтениях и на XXXII филологической конференции филологического факультета СПбГУ. Результаты исследования отражены в четырех публикациях, две статьи будут опубликованы в 2003 г.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии и четырех приложений.

Содержание работы.

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются цель и задачи исследования, раскрываются теоретическая, практическая значимость и новизна работы, представляются материал и методы его анализа. Говорится о том, как проявляется тенденция к аналитизму в русском языке на синтаксическом уровне. Одно из важнейших проявлений этой тенденции -

расширение круга несогласованных сказуемых. Производность (**вторичность** в системе языка), грамматическая неизменяемость, синтаксическая функция — все это сближает неизменяемые сказуемые двусоставных предложений с безлично-предикативными словами, выступающими в качестве главного члена безличных предложений. Такое типологическое сходство позволяет говорить о классе предикативов русского языка, включающем два разряда - личные и безличные предикативы.

В первой главе «Теоретические основы исследования» излагается история изучения вопроса на материале безличных предикативов, рассказывается о происхождении личных и безличных предикативов и проблеме разграничения функциональных омонимов, затрагивается вопрос специализации личных предикативов. Отдельные параграфы посвящены изучению новых языковых явлений на диалектном материале, синтаксическому своеобразию северо-западных говоров и его описанию в отечественной лингвистике. Далее обосновывается употребление термина «личные предикативы» применительно к материалу исследования. Предикативы - это неизменяемые слова или сочетания слов, выступающие в функции сказуемого в личных и безличных предложениях. Предикативно употребляться могут слова всех частей речи, одни широко и регулярно, другие - только в определенной форме, третьи - лишь узуально. Синтаксическое название «безлично-предикативные слова» указывает на **сказуемую** специализацию данного класса слов. Отсюда следует, что «небезлично-предикативные слова», которые мы с большой долей условности называем личными предикативами, столь же специализированы, но только в двусоставных предложениях. Однако такое заключение (о сказуемой специализации) верно лишь отчасти, а именно по отношению к тем словам или сочетаниям, для которых исключена возможность быть **присловным** распространителем. Иными словами, личные предикативы могут быть специализированными (аналог глаголов и безлично-предикативных слов) и неспециализированными (аналог предикативно употребленных имен существительных, прилагательных и слов других частей речи). Последний раздел главы

посвящен рассмотрению способов и приемов подачи личных предикативов в Псковском областном словаре.

Во второй главе описывается семантика личных предикативов. Общее назначение как личных, так и безличных предикативов — характеризовать кого-либо или что-либо, то есть функционально предикативы близки определительным (по отношению к имени существительному), обстоятельственным (по отношению к глаголу) и оценочным словам. Семантика предикативного слова в значительной степени определяет модель предложения. Не менее важно при анализе двусоставных предложений учитывать смысловые отношения между главными их членами. Поэтому первый этап классификации псковских конструкций с личными предикативами базируется на том, с каким субъектом, одушевленным или неодушевленным, сочетается предикатив. Различие между этими двумя группами примеров заключается в возможности или невозможности грамматического субъекта изменить свое состояние, которое характеризуется предикативом. Кроме того, и это, пожалуй, главное основание для подобного разделения на группы, предикативы в них семантически несхожи, то есть заключают в себе оценку субъекта по разным параметрам. Это убедительно подтверждается тем, что из всех встреченных нами личных предикативов считанные единицы могут характеризовать как лицо, так и предмет. По данному признаку личные предикативы существенно отличаются от глаголов, которые зачастую не имеют такой строгой соотнесенности с каким-либо типом субъекта. В наших материалах встретилось лишь три предикатива, которые могут характеризовать как предмет, так и лицо (*впо́лности, втя́мку, напро́сти*). Не исключено, что в псковских говорах бытуют и еще какие-либо **подобные образования**, сочетающиеся как с одушевленным, так и с неодушевленным субъектом, однако очевидно, что их круг весьма ограничен вследствие большей конкретности личных предикативов по сравнению с глаголами, которые зачастую употребляются метафорически и метонимически. Помимо названных трех диалектных предикативов, имеющих конкретную семантику, безразличны к признаку одушевленности / неодушевленности подлежащего **общехарактеризующие** слова, упот-

ребляемые повсеместно в русской разговорной речи, такие, как *ничего* и *так себе*. Эти два предикатива (*ничего* - «неплохой (ая, ое)» и *так себе* - «не очень хороший (ая, ое)») занимают срединное положение на оценочной шкале. Следует отметить богатое предикативное оформление данной, средней оценки. (Помимо двух названных предикативов - их варианты и синонимы: *ничего себе́, ни то ни сё, ни рыба ни мясо, ни Богу ни бёсу, ни виду ни ляду, ни Богу свечка ни чёрту кочерга* и т. д.) Этот средний, промежуточный член на шкале оценки обладает наибольшей степенью абстрактности, обобщения, подобно указательному местоимению *это* - универсальному заместителю в сфере наименования. Средний член оценочной шкалы указывает только на приблизительно равное количество проявления двух полярных признаков в оцениваемом субъекте (количественная оценка) безотносительно к самому качеству. Иначе говоря, предикативы *ничего, так себе* и подобные им являются средними членами многих и многих оценочных шкал, шкал оценки по разным признакам. Тогда как крайние, полярные оценки, как правило, конкретны (в разной степени), поскольку характеризуют субъект по определенному параметру и тем самым представляют собой качественно-количественную оценку. Итак, любая другая оценка - оценка по конкретному качеству, набор которых у одушевленных и неодушевленных субъектов почти полностью различается, поэтому названные две группы примеров рассматриваются отдельно. Под одушевленным субъектом мы подразумеваем в первую очередь лицо, человека, так как примеров, в которых предикатив характеризует человека, подавляющее большинство.

Все личные предикативы, характеризующие человека в псковских говорах, образуют несколько тематических групп. Это предикативы, оценивающие эмоциональное состояние человека, физическое состояние, характер, интеллект, отношения с другими людьми и социальное состояние. Следует отметить, что все перечисленные группы являются открытыми и могут включать в себя как не зафиксированные нами образования, так и вновь возникающие личные предикативы.

Каждую тематическую группу отличает от других, помимо семантики, ряд свойств. Для предикативов эмоциональной

оценки это, прежде всего, очень высокая степень сходства. Все предикативы данной группы однородны (*в по́лохе, в радостях, не в духах, в обиде, вгорячё, в духе, в горестях, в стыду, в довольстве, при скуке, при досаде, с духом, не в чувствии* и др.). Они выражают конкретное состояние человека в конкретное время, обусловленное к тому же той или иной причиной. Эмоциональное состояние человека, конечно же, всегда имеет свою причину и свои временные рамки (как правило, относительно узкие). Поэтому предложения с предикативами такой семантики очень часто содержат временные **конкретизаторы** (наречия и другие обстоятельства времени), а также указание на причину данного состояния.

Предикативы, оценивающие физическое состояние человека (*вотверѣ, вмоготу, не в силах, под года, веретеном тряхнуть, с горошину, с лет вон* и др.), организованы совершенно иначе, и это понятно: палитра чувств необычайно богата, тогда как физическое состояние бывает либо соответствующим **норме**, либо в какой-то степени не соответствующим ей. Очевидно, что здесь мы имеем дело с оценочной шкалой. Личные предикативы физической оценки отчетливо образуют две шкалы: «здоровье» и «возраст». Физическое состояние по любому из этих двух параметров несомненно более устойчиво, чем состояние эмоциональное. На обеих шкалах хорошо представлены полюсы - крайние члены противопоставлений. И если негативные оценки по одной и другой шкалам, как правило, взаимосвязаны и сопутствуют друг другу («старый» = «больной»), то позитивные оценки (молодой, здоровый) соплагаются не всегда, гораздо чаще в материалах прослеживается связь «молодой» = «глупый» (негативная оценка на шкале «**интеллект**»).

Так как физическое состояние достаточно устойчиво, в качестве присловного распространителя при крайних членах обеих шкал выступают наречия *ещё и уже*.

Понятно, что антитеза «молодость» — «старость» не столь безоговорочно ложится на оценочную шкалу, как «здоровье» — «отсутствие здоровья». Это проявляется, в частности, в наличии на возрастной шкале среднего члена, отличного от нейтральной оценки по данному признаку (которой, разумеется, не

существует). Этот средний член представлен предикативами с общим значением «растущий».

Следует отметить, что не все предикативы, характеризующие физическое состояние человека, располагаются на одной из указанных шкал. Так, совершенно самостоятельно внутри данной группы существуют предикативы, представляющие собой классический пример состояния - это предикативы с общим значением «в состоянии беременности» (*втяжку, в порядке, в положении*).

В целом состояние, которое оценивается предикативами данной группы, может иметь разную временную протяженность (усталость - болезнь - ожидание ребенка - старческая немощь).

Предикативы, оценивающие характер человека, разнообразны по своей семантике, однако в самом общем виде распадаются на позитивно-характеризующие (*не роблівого десятка, душа-человек* и др.), и негативно-характеризующие (*брысь под печку, и вашим и нашим, с захмычкой, на уме с горошком* и др.) Это позволяет говорить о наличии в данной группе общеоценочной шкалы «хороший человек» - «плохой человек». При этом отчетливо преобладает по количеству предикативов именно негативный член оппозиции, который и является маркированным.

Следует отметить, что все члены данной тематической группы являются фразеологизмами, что существенно не только в отношении грамматики, но и в отношении семантики, поскольку все они обладают ярко выраженной эмоциональной окраской.

Предикативы интеллектуальной оценки представляют собой очень однородную группу, как по семантике, так и по сопутствующей оценке. (*с дурачиной, под дурнину, с глумінкой, по морю дурак, с уминки вон* и др.) Логично предположить, что предикативы данной группы образуют шкалу «умный» - «глупый», однако в материалах нам встретились в большом количестве лишь предикативы негативной части шкалы, что роднит данную группу с предыдущей и позволяет говорить о типичности такого явления и даже о языковой закономерности.

Другое проявление однородности данной группы - почти полная синонимичность ее членов, которые отличаются друг от друга лишь большей или меньшей степенью проявления признака. Более того, почти все предикативы группы образованы от трех синонимичных корней по одним и тем же моделям. Следует отметить, что эти предикативы регулярно употребляются не только в прямом, но и в переносном значении; последнее преимущественно в конструкциях с первым лицом, когда говорящий пытается оценить свое поведение, свои действия как бы со стороны.

Предикативы, характеризующие межличностные отношения, существенно отличаются от предикативов всех других тематических групп, поскольку оценивают не субъект как таковой, а его связи и взаимоотношения с другим субъектом. Это проявляется и в семантике, и в грамматике.

Предикативы данной группы формируют два типа конструкций. В первом типе семантика предикативов такова, что субъекты при них объединяются в местоимениях *мы*, *вы*, *они*. Иначе говоря, субъекты отношений в этих конструкциях грамматически равноправны, а предикативы семантически это подтверждают. (*Мы в расчёте.*) В конструкциях второго типа субъекты отношений грамматически неравноправны: один занимает позицию подлежащего (и стоит в **именит.** падеже), а другой - позицию дополнения при предикативе (и стоит в дат. падеже). Совершенно очевидно, что в таких конструкциях налицо не только грамматическая неравноправность актантов, но и семантические отношения между членами предложения иные, нежели в конструкциях первого типа. Предикатив в данном случае характеризует одно лицо по отношению к другому (*Я тебе впопёрву*). И даже в том единственном примере, когда за такой формой стоят вроде бы равноправные отношения и можно сделать предположение о синонимичности разных конструкций (*Мы с ней на годах - Он ей под года*), все же семантико-грамматические связи предикатива во втором примере заставляют в этом усомниться.

В целом предикативам данной тематической группы присуща жесткая закреплённость содержания за формой. **Конст-**

рукции являются типизированными, что позволяет актантам быть опущенными.

Наконец, группа **предикативов, характеризующих** социальные отношения. Субъект здесь снова один, а предикатив призван обозначать его общественное положение. Понятно, что такое состояние всегда длительное, устойчивое, что семантически проявляется в **бытийности** предикативов, а грамматически - в наличии при них полузнаменательной связки *жить*. Вся группа по этим показателям однородна (*в доле, в отделе, в мужах, на выхвалке, по воле, в достатках* и др.)

Не очень большую группу образуют **предикативы, характеризующие одушевленный** субъект - не человека. Объектом оценки выступают здесь такие представители фауны, которые нужны человеку в его хозяйственной деятельности. При этом оцениваются признаки и качества, важные для человека: физическое состояние домашних животных, периодичность появления диких, сезонные изменения в жизни промысловых видов и т. п. В целом, за исключением разной субъектной отнесенности состояний, предикативы, характеризующие животных, и предикативы, характеризующие человека, очень похожи. Так, отчетливо видно типовое сходство предикативов, оценивающих физическое состояние субъекта.

Предикативы, характеризующие **неодушевленный субъект**, многочисленны и разнообразны. При этом семантическая взаимообусловленность оценки и предмета оценки столь же велика, что и в конструкциях с предикативами при одушевленном субъекте, но отношения здесь строятся несколько иначе. В оценочных высказываниях всегда присутствуют или подразумеваются три необходимых компонента: *что* оценивается, *как, каким образом* оценивается и *кем*. Последний компонент - автор оценки - как правило, является одновременно и автором высказывания. Этот оценивающий субъект в большинстве случаев грамматически не выражен, но всегда семантически заявлен. В тех предложениях, в которых объектом оценки выступает предмет (неодушевленное **сущ.**), прагматический аспект наиболее проявлен. Поэтому классификация предикативов, характеризующих неодушевленный субъект, проведена с учетом способов восприятия. Оцениваться может внешний вид предмета (это

зрительная оценка), вкусовые качества, запах (оценка с помощью органов обоняния). Для человека одним из основных способов восприятия действительности является зрение, оно же выступает в качестве доминирующего средства при оценке предметов. Очень большая группа предикативов, характеризующих неодушевленный субъект, представляет собой именно оценку внешнего вида (*в складчину, наизнашку, наразбег, вполншь и др.*)

Помимо собственно характеризующего аспекта в семантике предикатива может быть заложен и прагматический аспект: насколько предмет оценки в силу своих качеств и свойств важен, нужен, полезен, удобен и т. д. Как следствие этого, в структуре предложения появляется субъект в дательном падеже, по отношению к которому реализуется данная прагматика (*что кому каково*).

В третьей главе «Морфолого-историческая характеристика личных предикативов» материал рассматривается с точки зрения его грамматического оформления. Все предикативы **производны**, вторичны в структуре языка, что, однако, не мешает воспринимать их как вполне самостоятельные единицы. По своему внешнему виду личные предикативы в псковских говорах подразделяются на **цельнооформленные** и **раздельнооформленные**. Среди первых преобладают лексемы с приставками *в-* (*впнрѣв, врбстежъ, вснос, впереже, вполношь*) и *на-* (*напоготове, нарастежъ, напohват, напробоску*), хотя также встречаются образования с *не-* и *ни-* (*невдблги, нёвдосоль, нипочём, нипо́что*), а также бесприставочные (*прóсте*), часть из которых восходит к именам существительным в творительном падеже (*дубарём, набегом, груздбм, гáмузом*).

В большинстве своем однословные личные предикативы являются диалектными, но образованы от общерусских корней, так что в переводе не нуждаются.

Неоднословные предикативы могут состоять из двух и более компонентов. Начнем с **двусловных**. Все они являются по форме **предложно-падежными** сочетаниями с предлогами *в, на, без, по, под, при, с*, причем количественно преобладают сочетания с первыми двумя предлогами (*в* и *на*). По **лексико-граммати-**

ческому значению такие сочетания знаменательного слова со служебным представляют собой фразеологические единицы, в которых каждый из компонентов уже не воспринимается как самостоятельная лексема.

Сочетания имени сущ. в предложном падеже с предлогом *в* регулярно употребляются в русском языке для выражения целого ряда значений, большинство из которых - значения состояния. В псковских говорах такие сочетания образуются преимущественно от отвлеченных имен сущ. (*в возрасте, в глупости, в довольстве, в доле*), однако встречаются и образованные от конкретных сущ. (*в девках, в мужах*). В последнем случае все сочетание в целом имеет отвлеченное значение («в девках» то же, что «в девичестве», «в мужах» то же, что «замужем»). В связи с последними примерами уместно будет отметить, что базовые сущ. (**сущ.**, от которых образованы **предложно-падежные** сочетания), будучи отвлеченными, стоят, по большей части, в единственном числе. В форме множественного числа формируют **предложно-падежные** сочетания, помимо приведенных конкретных, счетные сущ. (*в годах, в летах, в галюшах*), далее, **сущ.**, которые допускают идею множественности (*в радостях, в горестях*), а также изредка **сущ.**, не допускающие с точки зрения литературного языка такой идеи (*в духах, в порядках*). Последние предложно-падежные сочетания имеют семантически тождественные варианты с ед. числом: *в духе, в порядке*.

Предикативы, представляющие собой сочетания имени сущ. с предлогом *на*, столь же частотны в псковских говорах. Здесь также преобладают образования от отвлеченных сущ. (*на думам, на выходах, на выхвалке*), преимущественно в форме ед. числа.

Базовые сущ. обладают разными возможностями образования **предложно-падежных** сочетаний. Некоторые могут формировать предикативную синтаксему только с одним предлогом (*в езде, в заводе, в своествѣ, на обѣдѣ, на виду*), другие же поливалентны в этом отношении, т.е. обладают способностью образовывать сразу несколько (два и более) предикативных предложно-падежных сочетаний, как **однопдажных**, так и **разнопадежных**, синонимичных либо нет (*в возрасте — на*

возрасте, в душе - на душе - к душе - по душе — без души, в годах - на годах — под года, в духе — с духом и т. п.) Такая возможность - возможность формировать несколько предикативных синтаксем - обусловлена как языковыми факторами (семантика имени **сущ.**), так и факторами экстралингвистическими (широта употребления данного слова, традиция и др.)

В картотеке Псковского словаря зафиксированы предикативные **предложно-падежные** сочетания всех падежных форм (косвенных падежей): **родит.** (*без брюха, без себя, с кнубкѧ, с руки*), **дат.** (*по глазу, по себѣ, по силы*), **винит.** (*в обжимку, на славу, под года, с горошину*), **творит.** (*с духом, под хмельком*), **предл.** (*в отделе, на причине, при скуке*).

Очевидно, что мы имеем дело с фразеологической единицей, хотя она включает только одно знаменательное слово - имя существительное. В некоторых случаях часть фразеологизма, восходящая к предлогу, может варьироваться, не меняя семантики фразеологической единицы в целом. (Это так называемое компонентное варьирование: *по душе — к душе, в соху — на соху*.) А та часть фразеологизма, которая восходит к имени **сущ.**, может соответствовать исходному имени в формах разных падежей или разных чисел (морфологическое варьирование: *в силе - в силах, в порядке — в порядках*).

Предикативы, содержащие в своем составе отрицательную частицу *не*, могут как состоять, так и не состоять в антонимичных отношениях с предикативами без отрицания. (Примеры с предикативами-антонимами: *Ни гармонь так интирёсна - гарманист мне на души. Пуст . и Я пашдл счилавѣкам, каторый был ни на души. Сош.*) Отсутствие антонимии объясняется несовпадениями разного рода. В одних случаях у фразеологической единицы с отрицанием значений может быть больше, чем у единицы без отрицания, а в других предикативы без частицы *не* просто не зафиксированы в материалах. (Так, в группе предикативов, образованных от слова «душа», значение «нравится, приятен» выражается только одной фразеологической единицей - *по душе*, тогда как антонимичное значение передается при помощи трех **предложно-падежных** сочетаний: *не по душе, не к душе, не в душе. Как некрешиёный — не г души этот*

ребёнак. Гд. А взамуш аддава́ли — он и неха́ро́ш,и ни в ду́шы, а пайдёш. Печ. Образования «к душе», «в душе» не за фиксированы.) И в том, и в другом случае отмечается некоторое количественное преобладание предикативов с негацией, что встает в один ряд с другими языковыми фактами (в частности, с фактом большей распространенности отрицательной оценочности, нежели положительной, описанным во второй главе).

Личных предикативов, содержащих частицу *ни*, в материалах встретилось немного, что объясняется жесткой заданностью модели и, как следствие этого, синонимичностью всех возможных фразеологических единиц такой конструкции. Общее их значение - «ни то ни се». В качестве оценочных компонентов в таких формах выступают противопоставленные или соположенные единицы (*ни Богу ни бёсу, ни виду ни ляду*).

Другие многословные фразеологизмы, выступающие в функции сказуемого, достаточно многообразны и хорошо представлены в псковских говорах. Это объясняется тем, что фразеологизмы по своей природе - единицы оценочные, для которых характернейшими позициями в предложении являются позиции атрибута и предиката. В целом же псковские **предикативы-фразеологические** единицы весьма разнообразны по своему составу. В качестве опорного слова в них могут выступать наречия, междометия, инфинитив, именное сочетание и т. д.: *Так ужэ две де́фки-та с лет вон. Порх. Лёша сам ня хазяин, сам брысь пад печку. Остр. А старикуш чуть блеск, э́ли блеск в глазах. Печ. Ездитъ-та не умеют на мото́цыкле, ешид сам-та от горшка два вершка. Стр. Ана́ (бабушка) забале́шы, ссо́хшы, виритяно́м тряхнуть. Кр.*

В четвертой главе «Личные предикативы в системе языка» затрагивается целый ряд вопросов, касающихся образования личных предикативов, критериев выделения специализированных личных предикативов, а также места этих образований среди других неглагольных предикативов и в системе говоров узкого Северо-Запада.

Личные предикативы, будучи производными, во многом сохраняют связь с теми словами, на базе которых они сформировались. При этом предикативы являются единицами синкретичными: в них в разной степени просматриваются как исходное

имя **сущ.**, так и наречие. (*Если фсялі́лся сарняк в агаро́ди, карні́ у няво́ груздо́м. Беж. Пазуха зба́ра́м, каво́ хо́цэш напця́эш. Оп.*)

С научной точки зрения представляет особый интерес наличие таких предикативов, которые не могут занимать позицию **присловного** распространителя. Иначе говоря, для системы языка является чрезвычайно важным факт существования специализированных личных предикативов.

В связи с этим были выявлены критерии, по которым можно установить, обладает ли предикатив специализацией. При этом учитывалась одна особенность личных предикативов, впервые отмеченная **В.И. Трубинским**, а именно их способность выступать в качестве детерминанта состояния, то есть распространителя на уровне предложения. Детерминант состояния, грамматически не являясь сказуемым, сохраняет с субъектом высказывания такие отношения, которые легко могут быть преобразованы в предикативные. С учетом этой особенности проводилось разграничение псковских личных предикативов на специализированные и неспециализированные. Первый критерий такого разграничения - грамматический: может ли это же слово или словосочетание (выступающее в наших примерах в роли сказуемого) быть **присловным** распространителем. Проверка велась в первую очередь по данным картотеки Псковского словаря. Если данных не хватало, вступал в силу второй критерий - семантический. При этом рассматривались смысловые взаимоотношения между подлежащим и личным предикативом и потенциальная возможность или невозможность употребления исследуемых единиц как распространителей сказуемого (в функции обстоятельства).

Третий критерий разграничения специализированных и неспециализированных предикативов - морфологический. Специализироваться в предикативной функции не могут слова на **-о**, в которых присутствует синтаксическая неоднозначность, позволяющая их определять как гибриды.

Все перечисленные критерии позволили определить, что около половины зафиксированных нами личных предикативов обладают специализацией. Количественные показатели имеют при этом относительный характер, поскольку выборка материала производилась из произвольных фиксаций звучащей диалектной

речи. Но несомненно важен полученный нами в результате исследования вывод о регулярности явления, то есть о том, что специализированные предикативы в псковских говорах действительно существуют, причем в немалом количестве. Этот факт заслуживает серьезного внимания и ставит вопрос о месте и статусе описываемого явления в системе языка.

Определяя наличие или отсутствие специализации у личного предикатива, мы сталкиваемся иногда с трудностями. В частности, речь идет об употреблении слова (словосочетания) только в предикативной, но при этом присвяточной позиции, то есть об обязательном наличии глагола и о функции именной части составного сказуемого у описываемых единиц. (*В барщине, в воле, в нёге, замужеством* и др.) То, что эти единицы являются личными предикативами - несомненно. Вопрос об их специализации в качестве предикатива также должен быть решен положительно, поскольку названные единицы употребляются исключительно в предикативной функции. При этом очевидно, что специализированные личные предикативы, самостоятельно выступающие в роли сказуемого, и специализированные личные предикативы, употребляющиеся только в качестве присвяточного компонента в составном именном сказуемом, образуют разные подгруппы описываемого **лексико-грамматического** разряда.

Встречаются и другие трудности. Например, входит или не входит образование наречного типа в предикативное ядро предложения. Этот вопрос встает тогда, когда в предложении имеется **полнозначный** глагол в паре с указанным образованием. (*Я живу за гатовым, муш носит. Палк. Кто ва жывнасти астаёцца, тот будет фсё знать. Н-Рж.*) Можно предположить, что **десемантизация глагола** указывает на предикативный статус второго компонента и функцию связки у глагола. (Чаше всего в такой позиции встречаются глаголы покоя и движения, которые склонны к ослаблению лексического значения.)

В некоторых случаях однозначно решить проблему специализации оказывается довольно сложно. И все же, с учетом всего вышесказанного, представляется возможным дать уточненное определение специализированным личным предикативам. Специализированными могут считаться такие личные предикативы, которые выступают только в позиции сказуемого в

двусоставном предложении (а также возможны в позиции детерминанта состояния), являясь при этом семантически определенными (характеризуют конкретное состояние субъекта) и грамматически самодостаточными.

Определив, что представляют собой личные предикативы, можно уточнить их место в системе языка и в системе говоров.

В системе языка личные предикативы встают в один ряд с другими именными образованиями, употребляющимися в функции сказуемого: с безличными предикативами, со словами на —о при инфинитиве и с гибридными образованиями на —о при местоименном подлежащем. Не останавливаясь подробно на характеристике перечисленных групп, нужно отметить как их общезыковую типичность, так и их диалектное своеобразие. Псковские безличные предикативы по лексическому составу могут быть либо общерусскими (*бо́льно, весело, красиво*), либо образованными от общерусских корней (*добры́сто, заливно́, ломливо, морозя́но*), либо полностью диалектными (*млѣ́льно, млóсно, мускарно, претко, проку́дно, суга́тно*). Как и у безличных предикативов литературного языка, у них имеются и активно употребляются в говорах степени сравнения. (*Была бы у нас паспарчѣй, падо́льшэ пасидѣли. Тор. Хош бы мама дома была, мне бы смелѣй. Пушки.*) В отличие от безличных предикативов, известных литературному языку, псковские могут иметь свои, диалектные распространители, форма употребления которых определяется локальной (псковской или шире - северо-западной) грамматикой словосочетания. (- с кем (чем): *Чудна была с этими свиннями. Нев. Валóдя, Аня, с ма́май ня тиха. Порх. Што-та с жыватом нялбфка. Печ. У нас тут спакóйна с ётай жу́чю. Палк.*; - на кого (что): *Дивно мне на Мишку, што спать уклады́шы. Пск.*; - по чему: *Как мне была томна па ё́тим тарелкам. Остр.*; - кого (чего): *Яму людей ниудббна, и жыво́тнүю жалéиш. Локн. Вот мне этава-та и апасна, шта из-за ей лошади ни дадут. Остр.*)

Безличные предикативы можно сопоставлять с личными (как в говорах, так и в системе языка в целом), во-первых, на основании общности их происхождения (*вторичности, отымен-*

ности) и, во-вторых, по наличию в семантике тех и других смысловых состояний. Эти две, очень важные, характеристики таких, казалось бы, полярных **лексико-грамматических** групп делают эти группы вполне сопоставимыми. Более того, в материалах нашлось несколько предикативных единиц, которые могут формировать как личное (двусоставное), так и безличное (односоставное) предложение.

Если безличные предикативы в псковских говорах столь же употребительны, как и в литературном языке, то другая группа псковских предикативов, весьма немногочисленна. Речь идет о предикативах в таких конструкциях, которые не свойственны современному литературному языку. В них слово на -о выступает в роли сказуемого в двусоставном предложении, причем отсутствие согласования по роду (в примерах с подлежащим - именем сущ. мужского и женского родов) однозначно указывает на то, что перед нами не краткое прилагательное, а совсем другой **лексико-грамматический** разряд. Отдельные лексемы этого разряда в разной степени тяготеют к специализированным или неспециализированным личным предикативам. (*Ну, севаа-баро́т вам и ниинтире́сна. Гд. А прясный хлеп нидабро́. Аш. Ко́фшык он асо́бинна ат крушки. Пск. Фсё есь: малако́ ня спорна, масла ня спорна, смятана ня спорна. Остр. Тагда́ наразна калхо́с был: цавельска́й и мака́ринска́й. Беж.*)

Личные предикативы можно и нужно сопоставлять также и с гибридными образованиями на -о при подлежащих *всё, это, оно* в той мере, в какой названные образования осознаются как несогласованные неизменяемые сказуемые. Псковские единицы такого рода ничем не отличаются от общерусских. (*Тагда́ фсё палосна была, свай́м палоскам. Сл. Эта яши́д лё́хка было. Холм. Трубу закрыл, думал, и́торазгрази́ца, а ано ничаво́. Вл.*)

Последнее можно сказать и о псковских предикативах на -о при инфинитиве. Предикативы в конструкциях такого типа очень похожи на безличные, но характеризуют они не просто состояние субъекта, а состояние субъекта в процессе того или иного действия. (*Вясти́ сена не спаручня́, снec глубокий. Беж. - Спару́шно вышыва́ть-та, кали красивый узор. Н-Рж. Пряма из вядра́ палива́ть не спорка. Н-Рж. - Спорка лить ваду́ пелька́й. Печ.*)

Все эти **соположенные** явления подтверждают системность языкового строя, равно как и неслучайность существования в этой системе личных предикативов. Необычайно показательно и то, что в системе говоров Псковщины личные предикативы столь же неслучайны и занимают свое место в ином ряду соположенных явлений. Речь идет о том, что псковским говорам свойственны несогласованные неизменяемые сказуемые глагольного происхождения, восходящие к причастиям мужского (на *-н*, *-т*), среднего (на *-но*, *-то*) и женского (на *-ши*) родов. (*Туды к бѣрезуфся трава скошэн. Сл. Дазна́лася жэ́на, што ён Тамаре нишэ́т, топѣрь разво́т задано. Сл. Бы́тта клоп, прити́снуфшы, сидит яна на лисапе́ти. Кар.*) Они также могут быть названы и личными, и специализированными предикативами, так же, как и описанные нами, являются неизменяемыми, так же выражают состояние субъекта или дают ему оценку, только имеют другое происхождение. Таким образом, можно сделать вывод о глубокой системной обусловленности личных предикативов как в русском языке в целом, так и в псковских говорах в частности.

В заключении обобщаются результаты исследования и подводятся итоги. Личные предикативы - особый лексико-грамматический разряд, занимающий собственную нишу в системе русского языка. Те личные предикативы, которые специализировались в функции сказуемого в двусоставном предложении, типологически сходны, с одной стороны, с общерусскими безличными предикативами и, с другой стороны, с диалектными (псковскими) неизменяемыми предикативными формами глагольного происхождения (на *-н (-т)*, *-но (-то)* и на *-ши*). Этот факт подтверждает как глубинную системность русского языка в целом, так и особенную яркость проявления общезыковой тенденции к аналитизму, свойственную именно говорам узкого Северо-Запада, к которым относятся псковские говоры.

В приложениях весь проанализированный материал (личные предикативы, безличные предикативы, предикативы в конструкциях с инфинитивами) представлен в виде словарных статей, разнесенных по трем колонкам таблицы: предикативы, их семантика и примеры употребления.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

1. Личные предикативы в псковских говорах // Псковские говоры и их носители (**лингво-этнографический** аспект). Межвузовский сборник научных трудов. Псков. 1995. С. 72-76.
2. Безличные предикативы в псковских говорах // Русские народные говоры: история и современное состояние. Тезисы докладов межвузовской научной конференции 26-28 ноября 1997 г. Новгород. 1997. С. 22-23.
3. Неспециализированные личные предикативы в псковских говорах (по материалам картотеки Псковского областного словаря) // Вестник СПбГУ. Серия 2. История, **языкознание**, литературоведение. № 2 (9). СПб. 1997. С. 104-107.
4. О некоторых наречиях и о помете «предикативно» в словаре // Псковские говоры (Псковский областной словарь и актуальные проблемы региональной лексикографии). Псков. 2001. С. 50-55.
5. О грамматической переходности в псковских говорах // Псковские говоры. Псков. 2003. (Готовится к изданию.)
6. Небезличные предикативы и **результативы** на **-н, -т, -но, -то, -ши**: приметы соотносительности // Материалы XXXII международной филологической конференции (11-14 марта 2003 г.) Диалектология. СПб. 2003. (Готовится к изданию.)